

М.А. Грачев

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ АРГО

Под арго мы понимаем лексику деклассированных элементов: преступников, бродяг, босяков, беспризорников, нищих, проституток и проч.

Исследователи долгое время не разграничивали функции арго. Нередко споры о функциях арго сводились к следующему: имеет ли оно конспиративный характер или не имеет? [10; 12; 20; 21]. Наиболее чётко эти споры подытожил исследователь социальных диалектов В.Д. Бондалетов. "Нередко основной функцией воровского жаргона (арго), – пишет он, – считают конспиративную. Да, этот тип социального диалекта может её выполнять. Но это не единственная его функция" [3]. Каковы же основные функции арго? Перечислим их: а) уже упоминавшаяся конспиративная функция; б) функция опознания; в) номинативная функция; г) мировоззренческая функция. Рассмотрим подробно каждую из них.

Конспиративная функция

О ней до сих пор ведутся споры, в конечном итоге, сводящиеся к следующему:

1. Арго носит строго конспиративный характер [5; 7; 11; 17].
2. Арго не выполняет конспиративной функции [2; 10; 21].
3. Секретность арго зависит от обстоятельств [20].
4. Тайный характер – категория, свойственная арго в диахронии [7; 15; 23]. Так, Л. Сенеан считал, что французское арго рассекретилось к середине XIX в. [23], а русское дореволюционное арго, по мнению исследователей Б.А.Ларина и Л.И.Скворцова [7; 15], – к началу XX века.

И, наконец, имеется особая точка зрения французского учёного П. Гиро, который утверждал, что тайность арго – нерешённый вопрос [22].

Для доказательства тайности арго приводятся, в основном, следующие аргументы: а) наличие потребности у деклассированных элементов сокрытия своих преступных замыслов и действий; б) факт постоянного обновления арготического словаря; в) использование арго только между "своими"; г) трудность в понимании арготических слов законопослушными людьми.

Противники же конспиративного характера арго приводят, в свою очередь, контраргументы: а) отсутствие необходимости скрывать названия ряда предметов и действий, которые не относятся к "профессиональной" деятельности деклассированных элементов (например, обозначения пищи, вина, насекомых и т.д.); б) трудность в создании арготических слов; в) трудность овладения лексикой деклассированных элементов; г) проникновение значительного количества арготизмов в общеноародную речь; д) общение на арго в присутствии законоисполненного населения; е) "прозрачность" семантики ряда арготизмов.

Мы констатируем тот факт, что ни один лингвист не учитывал мнение юристов. А между тем все они (исследователи или собиратели арго) утверждают, что оно носит отчётливо конспиративный характер. Так, к примеру, известный юрист А.И. Гуров аргументирует это следующими фактами: "В 50% случаев совершения преступлений к нему (арго – М.Г.) прибегают карманные воры, 70–80% – шулера, почти в 100% – сбытчики похищенного антиквариата и расхитители" [4]. Однако утверждения представителей правоохранительных органов ещё не являются основополагающими, хотя и принимаются во внимание.

При определении секретности-несекретности арго исследователями не учитывалось следующее:

1. Имеет ли арго условный характер, то есть создавался ли блатной язык упорядоченно, волевым усилием или же арготические лексемы нарождались стихийно?

2. Не уточнялось, присущи ли арго способы словоизготовства условных языков русских ремесленников и торговцев.

3. Не проводился опрос представителей деклассированных элементов о секретности арго.

4. В каких конкретно конспиративных ситуациях употребляется арго?

5. Арго часто рассматривалось исследователями изолированно, вне его связи с другими конспиративными средствами преступников (тайнописью, шифрами, тарабарскими языками, тайной мимикой и жестами).

Постараемся всё выше перечисленное учесть в нашем исследовании.

Условный (искусственный) характер социальных диалектов, их конспиративная функция и словообразование тесно связаны между собой. Если арго имеет отчётливо условный характер, значит, оно действительно придумано для того, чтобы засекретить цели и действия. Но как доказать это? В этом случае значение способов словоизготовства и аффиксов будет определяющим. Так, например, для условно-профессиональных языков характерны особые способы словоизго-

водства (такие, каких нет в общенародном русском языке) – фонетический и фонетико-морфологический, а также особые маскировочные аффиксы [3]. Например, в них широко использовалась замена одного звука другим (*дурить* - *курить*), вставки звуков в середину (*эзвето* - *это*), замена звуков маскировочными комплексами (*бутверо* - *четверо*, *куреда* - *середа*, *фидушка* - *кадушка*), перестановка звуков (*лубитка* - *бутылка*) и т. д.

Для арго деклассированных элементов эти способы словопроизводства и маскировочные аффиксы не характерны. Из 30000 арготизмов XI–XX вв., хранящихся в нашей картотеке, встретилось около 300 слов, образованных фонетическим и фонетико-морфологическим способами, да и то на образование этих лексем, возможно, повлияли условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев, а может быть, и произношение носителей различных территориальных диалектов (см. слова *бедка* - *бидка*, *бусать* - *бухать*, *штрик* - *старик*).

Ряд способов словопроизводства в условно-профессиональных языках ремесленников и торговцев удивительно схож с шифровкой в так называемых тарабарских тайных языках. В ряде случаев они создавались следующим образом: слово делилось на слоги и к каждому слогу прибавлялся комплекс звуков (см., например, "Очерки бурсы" Н.Г. Помяловского). Такой "язык" использовался исключительно в конспиративных целях.

У деклассированных элементов также в ходу тарабарские языки. Так, например, шулера тоже делят слова на слоги и прибавляют к каждому слогу вставку КО. В связи с этим фраза "Ты меня не знаешь" будет выглядеть следующим образом: "Коты комеконя коне кознакоешь". Этот тарабарский язык шулер использует в момент опасности (напр., при приближении сотрудников правоохранительных органов к играющим в карты).

Д.С. Лихачёв утверждал, что для конспирации отдельные криминогенные группы используют "искусственные" слова, понятные только им, определённому кругу лиц [10]. Современные преступники тоже их употребляют. Но это не арготизмы, так как понятны они лишь членам определённой банды.

В арго нет и намёка на условность или искусственность. В связи с этим нам кажутся сомнительными утверждения некоторых писателей и лингвистов о том, что арготизмы создаются верхушкой деклассированных элементов [7; 10; 19]. Как же тогда главари распространяют эти слова среди рядовых людей "дна" и как последние усваивают их, вводят в свой речевой оборот? Хотя, несомненно, наиболее удачные

слова, сказанные главарями, подхватываются рядовыми преступниками.

Арго создавалось и создаётся стихийно. На это указывали Б.А. Ларин [7], Д.С. Лихачёв [10], В.А. Тонков [17] и др. Но "стихийная выработка жаргона (арго – М.Г.) преступников диктовалась необходимостью. Тайная речь воровской организации развивалась вместе с преступлениями: грабежами, конокрадством, воровскими налётами" [7]. И способы словообразования в арго говорят в пользу того, что оно создавалось стихийно. В арго также, как и в молодёжном жаргоне, преобладает лексико-семантическое словоизобретательство. Не упорядоченное, а стихийное словообразование видно в создании множества слов, которые часто создаются благодаря внешним и внутренним ассоциациям (см. семантическую цепочку: дорев. арготизм *марвихер* – высококвалифицированный вор-карманник; арготизм 30–60-х годов *муравьихорь*; арготизм 70–90-х годов – *муравей*). Даже некоторые иноязычные слова преступники "подгоняют" под русские. Так, например, немецкое по происхождению слово *бан* (нем. *Bahn* – железнодорожный путь) "вокзал" у преступников превратилось в лексему *баня*.

Деклассированным элементам известно, что большое количество арготизмов непонятно для непосвящённых (законопослушной части населения) и эту непонятность они нередко используют в противоправных целях. С таким же успехом можно использовать в целях конспирации и молодёжный жаргон, и иностранные языки. Известно, что дворяне в присутствии слуг, чтобы быть непонятными для последних, разговаривали между собой на иностранных языках. Точно также и молодёжные жаргоны. Думается, что не для каждого будет понятна фраза с использованием солдатских жаргонизмов: "Замок дембельнулся, а комод остался на куска" ("Заместитель командира взвода уволился в запас, а командир отделения остался в качестве сверхсрочника.").

Нам кажутся неубедительными доводы о том, что арго (его большая часть) со временем становится известным некоторым слоям общества: "низам городов" [9; 21], узникам ГУЛАГа [1]. В речь этих групп населения проникают лишь слова, связанные с общеуголовной лексикой арго, да и то "непрофессиональной". То есть, в ней имеются обозначения людей по служебной, половой, национальной, возрастной и психологической характеристике (например, *алёшка* – лакей, *мара* – женщина, *валет* – дурак), нейтральные действия и реалии тюремного быта (например, *хавать* – есть, *питаться*, *пузырь* *петрович* – бутылка водки, *доходяга* – истощенный человек, *лететь под откос* – "терять в

исправительно-трудовом учреждении вольные привычки, здоровье и превращаться в истощённого человека", обозначения пищи, вина, наркотиков и т.п. Но группы городского населения, близкие к "низам" общества, не могли знать профессиональное подарго. Арготизмы-профессионализмы почти не переходят в просторечие. У каждого разряда преступников имеются свои, присущие только им, арготизмы. Например, у воров-карманников: звездокват – опытный вор-карманник, парить гусака – обкрадывать в бани намеченную жертву, запустить нижона – залезть в карман; у шулеров: катран – притон шулеров, где они играют в карты, гусар – шулер, ведущий разгульный образ жизни, перегородка – карта при игре в 'очко', портящая хорошую карту; у продавцов и поставщиков наркотиков: кайф-базар – притон наркоманов, гута-густрица – желудочные капли, которые вводятся в вену после их выпарки, ширево – наркотические вещества, вводящиеся в организм посредством шприца; у воров антикварных изделий и предметов религиозного культа (маклей): доска – малоценная икона, коля – икона с изображением Николая Угодника, яма – ковчег и т.д.

Арго не могло рассекретиться, так как оно никогда не было секретным. Но его элементы, в зависимости от обстоятельств, могут проникать в общенародный язык. Наиболее благоприятными такие обстоятельства появляются во время социальных взрывов (крестьянских войн, бунтов, революций и т.д.), когда активизируется преступный элемент, криминализируется правосознание определённой части общества.

Ряд лингвистов указывают в пользу секретности арго на факт постоянного обновления его словаря. Будто бы деклассированные элементы, узнав о том, что их слово стало известно широким массам людей или хотя бы представителям правоохранительных органов, стараются его заменить новым арготизмом [7; 17]. Однако наши наблюдения свидетельствуют о другом: уголовники не обновляют часто свой словарь. Представители правоохранительных органов, работающие в местах лишения свободы, неплохо знают большую часть общеуголовного арго, оперативные работники, специализирующиеся по борьбе с ворами-карманниками, прекрасно разбираются в "терминологии" своих "подопечных", и тем не менее арго не обновляется полностью. Основной костяк слов довольно устойчив. Вот факты: из 3000 дореволюционных арготизмов и арготических фразеологизмов, обнаруженных нами, около пяти сот лексем имеются в современном арго. Причём есть такие слова, которые пришли из языка волжских разбойников XVI–XVIII вв. и уголовника В. Каина (сер. XVIII в.), см. примеры: *за нами волна – "за нами погоня"* (в арго волжских разбойников *по реке волна прошла –*

"погоня послана"), купец – вор-карманник (в сер. XVIII в. купцы пропалих вещей – воры), стучать – доносить на кого-л. (в сер. XVIII в. стукалов монастырь – тайная канцелярия). Любопытно, что подарго воров-карманников почти не изменилось от начала XX в. до 1993 г.

Противники конспиративной функции утверждают, что использование арготизмов может насторожить законопослушных граждан. Однако это не совсем так. Потенциальные жертвы могут и не понять, что говорящие произносят арготизмы (как будто любой человек знает арго!). Но дело не только в этом. Преступники, даже зная, что их жертва может заподозрить неладное, будут использовать блестные словечки: это их стиль жизни, привычка. Употребление преступниками арготизмов в присутствии посторонних может быть лишним доказательством, что они уголовники, и не более того. Но воры и не скрывали этого. Наоборот, в большинстве случаев они бравируют принадлежностью к преступному миру. И епц: татуировка, одежда, походка, осанка – всё может выдать преступника. И сами представители различных криминогенных групп утверждают, что часто применяют арго в конспиративных целях.

Итак, преступники используют непонятность арго в целях конспирации при различных обстоятельствах:

1. При призывае к совершению преступления. Вот несколько таких примеров.

Вор-карманник в толпе, не боясь того, что окружающие его поймут, кричит своему коллеге: "Дави гусака с вторяка!" ("Делай вторую попытку к ограблению намеченной жертвы" – М.Г.)

См. также диалог следователя с потерпевшим:

– О чём говорили между собой эти люди (грабители – М.Г.)?

– Я слышал только одну фразу, но не понял её: "Бери за свисток фуфлена, а я распяту его" ("Бери за горло жертву, а я сниму с него одежду" – М.Г.)

2. Особенно распространено использование арготизмов в момент опасности. Так, у преступников имеется множество слов-сигналов, обозначающих опасность: *вода, вассер, зекс, шесть, два с боку, двадцать шесть, ...*

3. При переписке между собой, см. примеры:

"*Цинк! Вилла на кукане. Вика-Деточка засвистела.*" ("Внимание! Квартира находится под наблюдением милиции. Вика-Деточка даёт показания.") [1]

"*Пришлите Кате триста поцелуев!*" ("Вышлите триста граммов кодеина – наркотического вещества!")

Опознавательная функция

Она близка к конспиративной. Большинство исследователей однозначно утверждают, что эта функция присуща арго [3; 5; 10; 16]. Наиболее чётко о её значении сказал Д.С. Лихачёв. "Воровская речь, – утверждает он, – должна изобличать в воре 'своего', доказывать его полную принадлежность воровскому миру наряду с другими признаками, которыми вор всячески стремится выделиться в окружающей его среде... Не понять какого-либо воровского выражения или употребить его неправильно – позорно" [10].

В середине XIX в. преступники, если не знали человека, если сомневались в его принадлежности к уголовникам, спрашивали: "Ходишь по музыке?" ("Совершаешь преступления?" – М.Г.) [5; 6]; в 20-х годах XX в.: "Свой? Стучишь по блату" ("Преступник? Говоришь на арго?" – М.Г.) [16]. В настоящее время уголовники могут задать вопрос: "По фене ботаешь? Куликаешь по-свойски?" (вариант: *по-любирски*). Герой произведения Г. Медынского "Честь", профессиональный преступник, спрашивает случайно оступившегося правонарушителя Антона Шелестова: "По фене ботаешь?". И, видя, что тот не понимает этого арготического выражения, делает вывод, что Шелестов не "свой". [13].

Путём расспросов на арго выясняется и принадлежность к преступному миру: блатной язык как бы охраняет деклассированных элементов от замаскированных под преступников представителей правоохранительных органов, от самозванцев (то есть от мнимых авторитетных воров, стремящихся занять привилегированное положение в уголовной среде).

В исправительно-трудовых учреждениях новичок проходит тщательную проверку. Например, в воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних новичку может быть задан следующий вопрос: "Скажи, ты пивень или чушок?" ("Пассивный гомосексуалист или всеми униженный, забитый человек?" – М.Г.).

К законопослушным лицам, владеющим арго, отношение у преступников может быть различным. У одних это может вызвать неприязнь и подозрение, у других – насмешку, у третьих – уважение. Автору этих строк приходилось сталкиваться и с тем, и с другим, и с третьим.

Номинативная функция

В научных исследованиях об арго о номинативной функции почти ничего не сказано, а между тем это одна из основных его функций.

Спорной является точка зрения тех лингвистов, которые утверждают, что арготизмы лишь дублируют общенародную русскую лексику. Большинство арготизмов имеет яркую (отрицательную или положительную – это уже другой вопрос) эмоционально-экспрессивную окраску. "Точных эквивалентов, – справедливо утверждал Б.А. Ларин, – тут нет хотя бы потому, что арготические словечки и конструкции часто имеют такой эмоциональный и волевой заряд, какого литературные языки не имеют ни для кого, а уж более всего для говорящих на арго" [8].

Арготизмы имеют определённые семантические довески, поэтому нельзя поставить знак равенства между экспрессивно заряженным арготизмом и нейтральным литературным словом.

Но не это является решающим фактором в определении номинативной функции блатного языка. В арго есть такие слова, для которых в общенародном языке нет даже неполных синонимов. Они обозначают, прежде всего, разряды преступников (бугайчик – "вор, крадущий при посредстве кошелька или бумажника, подбрасываемого на улице", лишак – "осуждённый, совершивший побег из спецпоселения или ссылки", подельник – "соучастник преступления", панчук – "главарь преступной группы, занимающейся сбытом наркотиков", вечник – "арестант, имеющий пожизненное заключение"), технические приёмы совершения преступлений (долото – "определенная система действий и приёмы при совершении воровства", скользок – "шуплерский приём, заключающийся в изменении значения карты путём добавления к ней дополнительного знака", брать на малину – "грабить жертву, усыпленную наркотиком", абхальтен – "удар по голове (действие грабителя)", оружие преступников и орудия преступлений (гусиная лапка – "воровское приспособление в виде консервного ножа большого размера для вскрытия сейфов, металлических шкафов", трайножка – "инструмент для взлома несгораемых касс", темнота – "наркотики, применяющиеся при усыплении жертвы") и др.

Всего же в современном арго имеется около 31% слов, для которых нет эквивалентов в общенародном русском языке. Эти арготизмы как бы заполняют тот номинативный вакуум, который имеется в общенародном языке (сказанное отнюдь не означает, что мы должны безрассудно использовать в своей речи арготизмы). Поэтому нам кажется не случайным переход значительного количества блатных слов

в общенародный язык, даже в высшую его форму – литературный язык (см. слова *блат*, *беспредел*, *двурушник*, *очковтирательство* и т.д.). Вероятно, причины заимствований те же, что и при заимствовании иноязычных лексем.

Значение номинативной функции в арго усиливалось вместе с ростом преступности и совершенствованием преступлений. У преступников XVI – сер. XIX вв., когда происходило, в основном, открытое завладение имуществом (грабёж, разбой), арготизмы, не имеющие синонимов в общенародном языке, составляли лишь 16% от общего количества, тогда как в конце XIX – нач. XX вв. (время расцвета организованной преступности и изощрённых преступлений) их уже насчитывалось около 23%, и в настоящее время – 31%.

Мировоззренческая функция

Вероятно, это одна из самых старых функций, восходящая ещё к средневековью, когда имелись цеха различных профессий и у каждого цеха была своя лексика. Свои "цеха" образовали и деклассированные элементы: были хорошо организованные шайки лесных разбойников (*шишней*), воров-карманников (*мазуриков*, *мошенников*), конокрадов (*кайнов*), нищих (*жохов*). Все эти криминогенные группы гордились своей принадлежностью к преступному миру и ни в коем случае не хотели смешивать себя с законопослушными людьми. Это отчётливо проявляется как в дореволюционном, так и в современном арго.

Воровская философия слова делит всех людей на суперменов и неполноценных. Суперменом является профессиональный преступник, а недочеловеком – любой, кто к ним не относится. Это отчётливо проявляется в названиях деклассированных элементов, см. слова: *человек* – профессиональный преступник, *честняк* – вор в законе, честно соблюдающий уголовные традиции.

В арго наблюдается совершенно иное, чем у законопослушных людей, отношение к женщине, детям, Богу, труду, культуре, образованию, и другим человеческим ценностям. В лексике преступников отчётливо проявляется их нигилизм, безверие, отрицание добрых чувств, презрительно-насмешливое отношение к окружающему миру.

Злая насмешка и пренебрежение звучит в арго к женщине. Из 280 их обозначений – 240 названий проституток и женщин лёгкого поведения (бикса, лярва, курва, коника, белка ...). В арго отсутствуют слова, обозначающие любовь. Вместо "влюбился" преступник говорит *вшендячился, втюрился, упал*.

Дети в арго называются *скорпионами, спиногрызами, вычадками...*

Именно арго, как зеркало, отражает, неприкрытый национализм преступника, его презрение к другим расам, нациям и народностям, см. арготизмы: *копчёный* – негр, *клювастый* – еврей, *верблюд* – рослый заключённый-азиат. И таких слов – около 200.

Уголовные преступники ведут борьбу против всех. В обществе укоренилось ложное мнение о том, что уголовники поддерживали и даже защищали политических заключённых. Однако анализ арготизмов опровергает это: в XIX в. политзаключённых называли *железоклюями*, *железными носами*, в 20–40-х гг. XX в. – *контрой, контриками, политиками, фашистами*, в 70–80-х гг. – *терпилами, законтренными фрайерами*.

Профессиональным преступникам идеально близки главари нацистской Германии. Не случайно в арго имеются слова, которые отражают одобрительное отношение к этим суперуголовникам: *круты Адик – Адольф Гитлер, круты Гена – Генрих Гиммлер*. Популярной среди людей "дна" является татуировка: "Товарищ Адольф Гитлер – вождь партии санитаров" [1].

Почти все обозначения представителей правоохранительных органов (социальных врагов уголовников) имеют пейоративную окраску: *мирошка – мировой судья, легавый – сыщик, милиционер, мильтон – милиционер, кивала – народный заседатель и др.*

Деклассированные элементы уподобляют свою деятельность работе честных людей. Сам процесс преступления – это для уголовников вполне нормальная человеческая деятельность, см. слова: *дело, работа – преступление, работать – совершать преступления*. Даже названия воровских специализаций как бы говорят в пользу того, что преступники занимаются обычной трудовой деятельностью: *скорняк – вор, крадущий меховые изделия, фотограф – грабитель, бондарь – содергатель притона, охотник – нищий высшей квалификации, гравер – фальшивомонетчик, коваль – спекулянт*.

В арго нет ни одного слова, которое бы одобряло труд. Тех, кто хорошо работает, называют *работягами, быками-рогомётами, дурындами*.

То же пренебрежение чувствуется в арготизмах, касающихся религиозных понятий. Вера в Бога у деклассированных элементов фальшивая, показная. И арготизмы подтверждают это наглядным образом: *папка, коля – икона с изображением Николая Угодника, мамка, девка, девчонка – икона с изображением Богородицы, поделиться с Богом – обокрасть культовое здание*.

В арго мало слов, обозначающих природу. И – характерная деталь – почти все они связаны с ночью – *темняк – ночь, звездунчик – звёздное*

небо, балда – луна, лысый – месяц. Как видим, даже в этой группе слов проявляется профессиональная направленность уголовных элементов.

Анализ арготизмов показывает, что деклассированные элементы почти не интересуются литературой, искусством, наукой, просвещением. Да и те немногочисленные слова, относящиеся к этим понятиям, по-своему искажены и интерпретированы, см. арготизмы: *блатной Пегас* – Сергей Есенин, *мозгодуй*, *водолей* – лектор, *пиликан* – скрипач, *книга* – бутылка водки, *читать* – выпивать.

В арго имеется около тысячи зоо- и фитоморфизмов: причём почти все они имеют пейоративную окраску. Это не случайно: ведь преступник старается оскорбить законопослушного человека, выразить к нему презрение. Особенно яркая отрицательная экспрессия видна в словах, имеющих отношение к собакам или пернатым. Почти все они обозначают либо представителей правоохранительных органов, либо предателей, либо униженных людей, *легавый* – сыщик, милиционер, *борзой* – сыщик, предатель, *сука* – человек, изменивший преступному миру, преступник, отказывающийся соблюдать правила и традиции воров в законе, *наседка*, *клушка* – подсаженный в камеру осведомитель, *петух*, *пивень*, *кочет* – предатель, униженный, всеми презираемый человек. Именно эта группа слов наиболее отчётливо показывает мир в перевёрнутом виде.

Как видим, арго отражает мизантропическую философию преступного мира, в которой имеются свои критерии, своя оценка реалий окружающей действительности. Эта "блатная" философия противопоставлена мировоззрению законопослушных людей.

Подведём итог. Анализ арго и наблюдения за использованием его уголовными элементами наглядным образом показывают, что для него характерны четыре основные функции: конспиративная, опознавательная, номинативная и мировоззренческая. Трудно сказать, какая из них главная для деклассированных элементов. Думается, что борьба шла с переменным успехом: на одних этапах развития преступного мира преобладала одна функция арго, на других – другая... Например, на раннем этапе становления русской преступности арго больше использовалось в конспиративных и опознавательных целях, в XVIII–XIX вв., когда складывались основные структуры деклассированных элементов, преобладала номинативная функция, в XX в., когда сформировались основные разряды преступников, – мировоззренческая функция. Но, несомненно, все эти функции находились и находятся в тесном единстве.

Литература

1. Балдаев, Д.С., Белко В.К., Исупов И.М. 1992. *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона*. Одинцово.
2. Береговская, Э.М. 1975. *Социальные диалекты и язык современной французской прозы*. Смоленск.
3. Бондалетов, В.Д. 1990. *Социальная лингвистика*, Москва.
4. Гуров, А.И. 1990. *Профессиональная преступность: прошлое и настоящее*. Москва.
5. Даляр, В.И. 1980. *Толковый словарь живого великорусского языка*, Москва.
6. Даляр, В.И. 1855. *Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка*. Рукопись, С.-Петербургская библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.
7. Ларин, Б.А. 1931. "Западноевропейские элементы русского воровского арго", *Язык и литература*, т. 7. М.-Л.
8. Ларин, Б.А. 1977. "О лингвистическом изучении города", *История русского языка и общего языкоznания*, Москва.
9. Леонтьев, А.А., Шахнарович, А.М., Битов, В.И. 1977. *Речь в криминалистике и судебной экспертизе*. М.
10. Лихачёв, Д.С. 1935. "Черты первобытного примитивизма воровской речи", *Язык и мышление*. т. 3-4, М.-Л.
11. Максимов, С.В. 1871. *Несчастные*, СПб.
12. Мильяненков, Л.А. 1992. *По ту сторону закона: энциклопедия преступного мира*. СПб.
13. Медынский, Г. 1957. Честь. М.
14. Попов, В.М. 1912. *Словарь воровского и арестантского языков*. Киев.
15. Скворцов, Л.И. 1989. *Культура языка – достояние социалистической культуры*. М.
16. Стратен, В.В. 1931. "Арго и арготизмы", *Труды комиссии по русскому языку*, т. 1. Л.

17. Тонков, В.А. 1930. *Опыт исследования воровского языка*. Казань.
18. Трахтенберг, В.А. 1908. *Блатная музыка. Жаргон тюремы*. СПб.
19. Шаламов, В. 1989. *Левый берег*. М.
20. Cohen, M. 1970. "Le tyny là-bas qu'est-ce qu'il a comme barbouze! Argot I." In: Cohen, M. *Toujours des regards sur la langue française*. Paris.
21. Dauzat, A. 1933. *La langue française d'aujourd'hui*. Paris.
22. Guiraud, P. 1956. *L'argot*. Paris.
23. Sainean, L. 1912. *Les sources de l'argot ancien*. Paris.

Примечание редакции: Вышла также книга автора данной статьи

Грачев, М.А. *Язык из мрака: блатная музыка и феня. Словарь*. Нижний Новгород: изд-во "Флокс", 1992. 207 стр.